

Геннадий САЗОНОВ

Храм у озера

Осенью нынешнего года исполнится 85 лет со дня рождения известного русского писателя Василия Белова, ушедшего из жизни в декабре 2012 года. Повести писателя «Привычное дело», «Плотничьи рассказы», романы «Всё впереди», Трилогия «Час шестый», пьесы, очерки и другие произведения широко известны читателям в России и за рубежом.

Художественный мир Белова поистине огромный, как великий океан, который не окинешь взглядом и не вычерпаешь. И он, этот беловский мир, вместил наиболее значимые общественные явления, выпавшие на долю русскому народу в XX веке.

Внутренний же мир любого из нас наполняют детали повседневности. Такое важное событие произошло 28 августа 1992 года — в праздник Успения Пресвятой Богородицы — и для Василия Белова. В тот день освятили Сохотский Никольский храм, восстановленный руками писателя и на его средства. Об этом мой рассказ.

Накануне позвонил Василий Иванович, сказал, что закончил восстанавливать Никольский храм и пригласил в Тимонию на освящение.

Я пообещал приехать, он ещё раньше возникли какие-то неполадки в моей машине, отправиться на ней в неблизкий путь было рискованно. Поэтому я связался с моим коллегой, журналистом Е. Соловьёвым, собором «Известий». Он тоже выразил желание побывать у Белова. Его редакционный «УАЗик» был в порядке, и рано утром мы выехали из города.

...Мы уже свернули с автостреды на Архангельск и теперь катили по владениям лесного царя Берендея, они казались бескрайними. Над песчаной грунтовкой столбом стояла пыль, вдоль тянулись убогие северные деревеньки, свидетельствуя о ненормальном отношении к земле-кормилице современных людей. Лишь немногие сёла сохранили настоящий крестьянский уклад. Дорога начинала утомлять своим однообразием.

Но вот, наконец, вдали возникла маковка церкви и крест на ней — их хорошо было видно с холма. Они всё приближались и приближались. Кажется, мы приехали. Да, далековато от цивилизации затерялась родная деревенька писателя — Тимониха.

Навстречу нам по колее, разрезавшей поле, катила красная «Нива», за рулём я сразу узнал Василия Ивановича.

Мы притормозили, вышли на улицу.
— Встречайте гостей! — протянул я руку Василию Ивановичу.

Он крепко пожал ладонь, скупно улыбнулся.

— Припозднились вы что-то, — слегка укорил писатель. — Служба почти закончилась. Но отец Георгий ещё в храме и народу там полно.

Василий Иванович отозвал меня в сторону.

— Это кто с тобой? — спросил он, показывая на моего коллегу.

Я ответил, объяснил, что вынужден был воспользоваться машиной собора.

— Нет, — запротестовал Белов, — с «Известиями» не хочу разговаривать, это такое издание...

Я почувствовал себя неловко. Что делать? Не назад же ехать моему коллеге! Всё-таки Василий Иванович, ещё раз выслушав меня, внял объяснениям, махнул рукой — мол, ладно. Мы сели к нему в «Ниву» и поехали на берег Сохотского озера, где только что освятили храм и состоялся торжественный молебен.

Мы вступили в храм, Василий Иванович начал показывать и рассказывать, что он делал:

— Третье лето я строю церковь. Когда увидел, что её растаскивают, мне стало жалко. Тогда ещё лес и кирпич были не

очень дорогими. Я на полученный гононар купил всё и привёз сюда в Сохту.

Начали мы с того, что выгребли из церкви всякий хлам, удобрения.

Потом начали вести кирпичную кладку — кирпич, цемент. Это всё — новая кладка, видите! Всё было выломано вон до того места, видите, почти до сводов. А с той стороны тоже дыра была.

— Василий Иванович, а православный приход будет на сколько деревень?

— Да во всём районе нет ни одной церкви, всё разрушено. Только в самом Харовске какая-то деревянная церковь одна есть. Раньше в каждой деревне часовни были и приходы были. В Ильинском приходе — восемь километров отсюда — прекрасная была церковь.

У меня прадед и отец были очень религиозными. А дядя почему-то не любил священников. Я боюсь, что он был неверующим: Гарибальди читал, Реннак читал какого-то. Вообще, как я думаю, народ неглубоко воспринял христианство, иначе бы и революции не было бы, а так сохранилось язычество — бей, круши, бунтуй.

Но хозяйственником Иван Михайлович был отменным: вводил севообороты, горох начал сеять и вообще мастерской был. Но священников не любил. А вот один из прадедов был верующим. И все бабки и прабабки были, конечно, верующими.

Я в этом здании учился. Школа здесь была. Первый и второй класс кончал я тут. «Интернационал» нас заставляли петь здесь, в храме. Ещё до войны это было...

— А когда закрыли церковь?

— Одновременно всё происходило, колхозы начинались и церкви разрушались...

Да, деревни, знаете, какие большие были? В нашей Тимонихе было 26 домов, а сейчас 4 осталось. Вот! И вся Россия так же, северо-западная я имею в виду. На юге, может, получше было.

46 человек у нас было в первом классе, когда я учился. И почти все погибли. Один или два осталось. И всё. Но погибли не на войне. После войны. Наш год на войну не попал. Моложе меня уже лежат на кладбище. И все почти смерти связаны с вином. Я об этом уже писал статью. Второй раз повторяться не охота.

— Василий Иванович, а иконы в церкви откуда? Я вижу тут большие красивые образы!

— Две иконы — «Тайная Вечера» и другая — мои, я отдал сюда в храм. Икона «Богоматерь» у меня над кроватью висела в доме в Тимонихе. А икону «Спасителя» Валерий Страхов купил, сам отреставрировал и подарил нашему храму, а одну икону принесли вон из той деревни.

— Василий Иванович, а вы делали всю эту работу для храма как, на чём?

— Да вот верстак у меня до сих пор в амбаре стоит. Хороший верстак. Как раз дядюшкино наследство. Он винты вёз аж со Шпицбергена. Ну, свет когда провели, у меня есть дрель, пила электрическая — облегчила немножко. Московский гость привёз рубанок шведский электрический, а то ручным строгать тяжело было.

— Василий Иванович, а высота здесь какая, как вы крест водружали?

— Не знаю, какая высота. Довольно высоко! Оттуда видно всю округу далеко.

— А как вы туда забирались-то?

— Там леса, по лесам, леса я сам строил. Крыша на куполе — железо, 130 лет сохранилось железо. Но всё прострелен-

В трёх братских могилах искал его. Только в одной из них в списке было одиннадцать Беловых...

— Да! — сочувственно воскликнул коллега.

Ещё несколько часов назад, когда я упомянул название газеты «Известия», писатель с большим недоверием отнёсся к незнакомцу. Теперь же, похоже, проникся к нему расположением, посвящал в какие-то свои сокровенные чувства. Русский характер — ни дать, ни взять!

Я и Соловьёв засобирались домой в Вологду.

— Надо же вам хотя бы чаю попить! — заволновался Василий Иванович. — Как же так уехать?

Проехав поле, мы оказались в деревне Тимониха, и Василий Иванович пригласил нас в дом.

Про дом Белова, с виду обычный, в северном стиле, можно говорить долго. Здесь столько любопытного! От заокостеневших в смоле сосновых брёвен в обхват, из которых срублены венцы и крыльцо, до уютной мансарды под крышей, где писатель любил поработать за столом на ранней зорьке. На стенах висят картины-пейзажи, исполненные рукой самого Белова. Показывая мансарду, Василий Иванович достал откуда-то из потайного места большой чёрный портфель.

— Вот в нём то, что пока никто не напечатает, — сказал Белов. — Но когда уйду из жизни, возможно, и пойдёт в печать.

Что это были за произведения, мы, конечно, постеснялись спросить.

На просторной кухне — настоящие деревенские широкие лавки, на которых сидеть гораздо удобнее, чем на городских стульях или креслах. Сестра писателя Александра и с нею ещё какая-то женщина собирали на стол. Задыхала свежесваренная картошка, рядом появилась зелень с грядок.

— Пойдите, совсем забыл, — я встал и пошёл к портфелю. — Я же привёз вам из Вологды письмо.

Я передал конверт Василию Ивановичу. — От Бондарева, — сказал писатель, взглянув на адрес.

Юрий Бондарев, с ним Белова связывали дружеские отношения, сообщал в письме, что Василию Ивановичу присуждена литературная премия имени Льва Толстого. Мы дружно поздравили Василия Ивановича с наградой.

Какой всё же удивительный был этот день — праздник Успения Богородицы, освящение храма, новость о премии! Столько событий!

Наверное, на радостях, Василий Иванович взял гармонь, сел рядом на лавке и стал играть. Играл он, конечно, бесподобно! Играл часто, зазывно, ноги сами просились в пляс. Потом он менял настроение и заводил какую-нибудь лирическую мелодию...

Мы пели разные песни — и русские старинные, и задушевные советские.

И тут отворилась дверь, к столу заглянул известный в округе плотник Осип Самсонов. Сразу подумалось: не прообраз ли это какого-нибудь героя из «Плотничьих рассказов»? Осип Александрович, высокий, широкоплечий, решил трянуть стариной — пустился в пляс, выдавал колена, да ещё спел пару-тройку частушек, от которых невозможно было не рассмеяться.

Я слушал негромкий говорок Белова, прибаутки плотника Самсонова, и понимал, что герои писателя рождались здесь, на этой грешной и любимой им земле.